

**О МИХАЙЛОВЕ Ф. Н. — ПЕШКОВОЙ Е. П. и
в ВЕРХОВНЫЙ СУД РСФСР**

МИХАЙЛОВ Федор Николаевич, родился в 1858. Получил высшее военное образование. Генерал русской императорской армии. Женат на Марии Михайловой, в семье — два сына. В середине 1928 — проживал с женой в Оренбурге. В январе 1928 — арестован, 24-27 февраля — приговорен к ВМН с заменой на 10 лет ИТЛ и отправлен в лагерь.

В марте 1928 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью его жена, Мария Михайлова.

<27 марта 1928>

«Уважаемая гражданка Пешкова!

Я заранее извиняюсь за причиненное Вам беспокойство и свою просьбу, но то горе и тяжелое несчастье, которое постигло меня и не дает мне покоя, невольно побуждает обратиться к Вам за помощью и защитой. Во имя всего того, что для Вас дорого и свято, во имя справедливости, в существовании которой, несмотря на пережитые мною невзгоды, я все-таки верю и прошу Вас выслушать мою просьбу. Я думаю, что Вы, как женщина, а может быть, и мать, скорее поймете меня, чем кто-нибудь другой. Приговором Оренбургского Губ<ернского> суда от 24-27 февраля сего года мой муж Федор Николаевич Михайлов признан виновным в преступлении, предусмотренным 58 ст<атьей> УК, и приговорен к высшей мере социальной защиты — расстрелу с заменой лишения свободы сроком на 10 лет.

Не буду Вам описывать, в чем заключается его преступление — это Вы поймете из прилагаемой копии поданной жалобы кассационной в Верховный Суд.

Я довольна хотя тем, что самое главное обвинение, которое ставилось в вину моему мужу — борьба против Советской Власти путем формирования отрядов, отпала. Осталось лишь одно, что он, как отец двух сыновей, расстрелянных красным отрядом, имел неосторожность подать жалобу по этому поводу атаману Дутову, на что группа лиц в 1918 году по приговору Военно-Полевого Суда была расстреляна.

Возможно, что с точки зрения моральной этики поступок его был и аморален, но ведь надо же понять, что нельзя от родного отца требовать полного самоотвержения. Такому героическому, я бы сказала, непротивления злу не всякий человек способен. Если же принять во внимание всю ту обстановку, при которой происходили все эти события, то психическое и моральное состояние моего мужа в тот момент было вполне лояльно. Общество само выбрало моих сыновей командирами отрядов против Советской власти, но потом само же из-за своих личных интересов решило отыгаться за счет их молодых жизней. Не успела еще их кровь остыть, как политические события изменились, и вот под свежим впечатлением всего этого — отец решил пожаловаться на свою судьбу.

Через 10 лет на заре второго десятилетия существования Советской власти, Суд пролетарский нашел действия моего мужа террористически направленными против Советской власти. Его можно судить в данном случае лишь за то, что он не мог побороть в себе родительских чувств и принес жалобу, но с политикой и контрреволюцией ничего общего не имел. Вынесенное моему мужу такое наказание — расстрел, хотя и заменен 10 годами лишения свободы, но от этого положение мало изменилось, так как для этого 70 летнего возраста такая замена смерти подобна. Тюрьма, конечно, медленнее, но, безусловно, покончит его. Я сама также в

преклонных летах, имею учащуюся дочь и осталась совершенно без всяких средств существования. Кроме того, хронически больна, что не дает мне возможности кормить себя и свою учащуюся дочь. Убедительно прошу Вас войти в мое тяжелое положение жены и матери, посмотрите беспристрастно на поступок моего мужа и не откажите войти в нашу защиту там, где это Вы найдете возможным.

Муж мой ослаблен здоровьем, зрением, по своему преклонному возрасту жить ему осталось немного, и я прошу Вас не отказать, насколько возможно облегчить его участие.

Ожидающая от Вас помощи и участия.

М. Михайлова

27 марта 1928 г<ода>.

г<ород> Оренбург, Форштадт, Гринбергский пер<еулок>, № 22»¹.

К письму было приложено заявление Федора Николаевича Михайлова в Верховный суд РСФСР.

<27 марта 1928>

«В ВЕРХОВНЫЙ СУД РСФСР
Уголовно-Кассационная Коллегия

Содержащегося под стражей в
Оренбургском Исправ<ительном> доме
МИХАЙЛОВА Федора Николаевича

Кассационная жалоба

Приговор Оренбургского Губ<ернского> суда от 24-27 февраля сего года, коим я признан виновным в преступлении, предусмотренным 58-8 ст<атьей> Угол<овного> Код<екса> и приговорен к высшей мере социальной защиты — расстрелу с заменой лишением свободы сроком на 10 лет, я нахожу неправильным и подлежащим отмене по следующим основаниям:

1) Мною было возбуждено ходатайство о прекращении дела на основании 4 ст<атьи> постановления ЦИК от 2-го ноября 1927 г<ода> об амнистии и 6 ст<атьи> постановления ВЦИК о проведении в жизнь амнистии к 10-й годовщине Октябрьской революции, так как санкции ВЦИК на слушание этого дела не было, но Судом мое ходатайство было отклонено, очевидно, на основании разъяснения Пленума Верховного Суда РСФСР № 19 за 31-е ноября 1927 года. Данное разъяснение к инкриминируемым мне действиям не применено, так как я ни к каким политическим организациям и группам, ставящим себе целью уничтожение Советского строя не принадлежал, причем, для применения этого разъяснения к той или иной политической группе или организации, но также необходимо, чтобы лицо, совершившее преступление, действовало в интересах этих организаций и от их имени. Такого признака в моих действиях не было, так как данные Судебного Следствия говорят за то, что я действовал исключительно в своих личных интересах и от своего имени.

2) Судебное следствие произведено не с достаточной полнотой. Как на предварительном, так и перед судом, я неоднократно ходатайствовал о допросе целого ряда свидетелей в разъяснении той обстановки, тех обстоятельств, которые предшествовали и сопутствовали совершению приписываемого мне преступления, а также ходатайствовал и об

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1 Д. 246. С. 155-156. Автограф.

отложении дела ввиду неявки главных свидетелей обвинения КОСОРЕВА и др<угих>, так как на предварительном следствии они допрашивались несколько раз, и в показаниях их имеются противоречия, сгладить которые и выяснить материальную истину возможно было лишь путем опроса их на Судебном следствии. Оба ходатайства эти Судом были отклонены исключительно потому, что свидетели, которых я просил допросить дополнительно, ничего существенного для дела показать не смогут, а показания не явившихся свидетелей имеются в деле и могут быть оглашены. Благодаря этому, как предварительное, так и Судебное следствие произведено крайне односторонне, тем более допрашиваемые по делу лица являются свидетелями потерпевшим и как ближайшие родственники лиц, приговоренных к расстрелу, которые, безусловно, при всем своем желании не могут быть беспристрастными в освещении фактических обстоятельств дела. Как данными предварительного, так и Судебного следствия личность моя осталась совершенно неисследованной, тогда как исследование это при предъявлении мне такого тяжкого обвинения должно было иметь весьма важное и существенное значение для дела.

Я генерал старой царской армии, был долгие годы на командных постах, командуя полками. Что из себя представлял в то время как генерал и как человек, каково было мое отношение к рядовым казакам, составлявшим исключительно трудовые массы, все эти обстоятельства остались неисследованными и не выясненными. Между тем, как данные для этого и в распоряжении предварительного и судебного следствия были, так как в числе свидетелей, о допросе которых я ходатайствовал перед Судом, были многие мои бывшие подчиненные, которые ни один год своей жизни провели под моим начальством.

3) Суд в своем приговоре не признал доказанным формирование мною отрядов и командование ими в борьбе против Советской власти, но признал меня виновным по 58-8 ст<атье> Угол<овного> Кодекса.

В приписываемом мне деянии нет признаков преступления, предусмотренного указанной статьей. Ведь данными Судебного следствия установлено лишь то, что мною, после выдачи О<бщест>вом поселка Верх<не->Озерного моих двух сыновей Карательному отряду, которым они были расстреляны, была подана жалоба войсковому атаману Дутову, в результате чего группа лиц этого О<бщест>ва была предана Военно-полевому суду и расстреляна. Такой мой поступок нельзя рассматривать как один из видов тех террористических актов, о которых говорит 58-8 ст<атья> УК, так как пострадавшие лица от моей жалобы не были представителями Советской власти или деятелями революционных и крестьянских организаций. В деле имеется достаточно данных, свидетельствующих о том, что О<бщест>во, выдавая моих сыновей красным, а также и та группа, которая выполнила непосредственно эту задачу, совсем не руководилась политическими побуждениями и сочувствиями к Советской власти, а исходило лишь из соображений личных, собственнических интересов, так как боялись, как бы красные не смели с лица земли их станицу привезенным на станцию Кондуровка морским орудием. Революционная деятельность пострадавшей группы лиц также по делу ничем не установлена и не доказана. К выводу, что пострадавшие лица были приверженцы Советской власти, Суд пришел исключительно на основании доказательств логического, а не фактического характера, но основывать приговор лишь на предположениях и умозаключениях нельзя.

Принесение мною жалобы не есть акт политической мести, а есть акт личной мести за причиненную смерть моим сыновьям по вине определенных лиц. В данном случае я никакими политическими

побуждениями не руководился, а просил лишь Суда над теми, которые были повинны в расстреле моих сыновей. Меня можно судить лишь за то, что у меня не хватило гражданского мужества побороть в себе чувство родительской мести, т^ак к^ак слишком быстро следовали события одно за другим в их последовательности, и постигшее меня, роковое в моей жизни несчастье еще не успело сгладиться в моей памяти.

Таким образом, при недоказанности, отмеченной приговором Суда, активного моего участия в вооруженных отрядах в борьбе против Советской власти, оставшееся установленным Судом деяние не может быть квалифицировано как контрреволюционное, тем более, что в деле имеются документальные доказательства, что я не просил такой жесткой кары виновным (л^{ист} д^{ела} 71-72).

Если даже я и являюсь косвенным виновником расстрела, то и в этом случае контрреволюционная цепь при данных обстоятельствах отсутствует, т^ак к^ак я совсем не предполагал, что таким своим поступком я мог подорвать или ослабить власть рабоче-крестьянских Советов, тем более, что я пострадавший, и к категории лиц, борющихся за Советскую власть и вообще за революционную деятельность не причислял и данных для этого у меня не было.

4) Примененная мне Судом мера социальной защиты является страшно тяжелой, и такая жестокая репрессия не вызывается крайней необходимостью, т^ак к^ак со времени совершения преступления прошло уже 10 лет, и вряд ли меня, 70 летнего старика, даже бывшего генерала в царской армии, прослужившего несколько лет честно на Советской службе в самых скромных должностях и принятого в кадр трудящихся, что подтверждается профсоюзной книжкой, можно считать человеком социально опасным в условиях современного общежития. Применение такой жесткой меры социальной защиты возможно лишь по мотивам мести, воздания должного по заслугам, но идея возмездия чужда идеологии Советского законодательства.

Ввиду изложенного, на основании 413, 414, 415, 416 и 417 ст^атей УПК прошу Верховный Суд приговор Оренбургского Губ^{ернского} суда по настоящему делу за нарушением 272, 319, 320 ст^атей УПК и 58-8 УК отменить.

27 марта 1928 года
г^{ород} Оренбург².

В апреле 1928 — заведующий юридическим отделом Помполита ответил Марии Михайловой.

<23 апреля 1928>

«М. МИХАЙЛОВОЙ

г^{ород} Оренбург,
Гринбергский пер^{еулов}, д^{ом} 22

В ответ на Ваше обращение сообщаю, что ходатайствовать об изменении судебного решения по делу Вашего мужа, Фед^{ора} Ник^{олаевича} Михайлова, не можем.

Если жалоба подана Вами в Суд своевременно, Вы можете озаботиться приглашением защиты для поддержания жалобы, обратившись к одному из московских член^{ов} Коллегии Защитников или

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1 Д. 246. С. 157-158. Машинопись, дата — автограф.

же в Консультацию Защитников при Губ<ернскрм> суде (Москва, Тверской бульв<ар>, д<ом> 18) с просьбой о назначении защиты»³.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1 Д. 246. С. 154. Машинопись.